

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА
С ПРЕЗИДЕНТОМ ФРАНЦИИ Ф. МИТТЕРАНОМ

7 июля 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Сердечно приветствую Вас в Москве, господин Президент. Итак, нам представляется возможность продолжить диалог, который мы начали в прошлом году в Париже и который я высоко ценю. Проведенные тогда переговоры были очень важными. Они положили начало активизации диалога между Востоком и Западом и в какой-то степени оказали влияние на советско-американскую встречу в Женеве.

К сожалению, обстановка в мире продолжает оставаться такой же напряженной, как и в то время. Поэтому нам хотелось бы надеяться, что нынешние советско-французские переговоры означают собой новый этап – этап более интенсивных усилий всех государств в интересах разрядки и нормализации отношений. С этой точки зрения мы и рассматриваем Ваш нынешний визит в Советский Союз как еще одну новую страницу в попытках добиться оздоровления международного климата на пути к более прочному миру.

Недавно в одном из своих выступлений я упомянул древний миф о похищении Европы. Я выразился в том смысле, что, по некоторым наблюдениям, европейскую политику вроде бы похитили. Сейчас хотел бы сделать оговорку: я вовсе не имел в виду Францию и ее руководителей. Наоборот. Мы высоко ценим, – учитывая при этом нашу принадлежность к разным союзам, – самостоятельную линию, которую французское руководство проводит на нынешнем важном историческом этапе.

О европейских делах мы еще поговорим. Но уже сейчас считаю нужным заметить: **Европа могла бы сыграть важную роль в изменении к лучшему ситуации на переговорах в Женеве с перспективой добиться там позитивных результатов.**

Предлагаю сегодня обсудить общие проблемы международной политики, а также крупные и в некоторой степени деликатные вопросы. Завтра

мы могли бы более конкретно рассмотреть европейские дела, положение на Стокгольмской конференции, проблему обычных вооружений, региональные конфликты.

МИТТЕРАН. За прошедший год в отношениях между Востоком и Западом не произошло сколько-нибудь существенных изменений... даже если считать, что после советско-американской встречи в Женеве, а также, возможно, в последние две недели и появились кое-какие обнадеживающие моменты. Почти полное отсутствие прогресса связано с тем обстоятельством, что каждая из сторон в принципиальном плане ставит такие условия, с которыми другая сторона не хочет (я не говорю – не может) согласиться. Что касается американцев, то они, во-первых, настойчиво стремятся к реализации СОИ, а во-вторых, заявляют об отсутствии надежных средств контроля за выполнением соглашений. Мы еще вернемся к тому, каким образом противоборство сторон преломляется в вопросах отношения к ОСВ-2 и Договору по ПРО.

В последнее время Советский Союз внес много важных предложений. Это и сокращение на 50 процентов носителей, это и сокращение на 30 процентов зарядов. Я уже не говорю об обычных вооружениях и о многом другом. Однако дело никак не движется вперед, поскольку вы настаиваете (и я хорошо понимаю это требование) на принятии американцами предварительного условия – запретить развертывание любого типа систем из области СОИ.

Следует отметить, что проблема СОИ находится в центре всего комплекса проблем вооружений и разоружения. Весь вопрос состоит в том, готовы ли СССР и США договориться в этой области о каком-либо взаимоприемлемом варианте. Пока что СССР и США придерживаются по этому вопросу весьма разных взглядов.

Что касается Франции, то ее позиция в отношении СОИ Вам, безусловно, известна. Я отрицательно отношусь к СОИ, поскольку усматриваю в ней дополнительный источник беспорядка. Я отрицательно

отношусь к СОИ, потому что вижу в ней угрозу нанесения первого удара. Глубоко убежден в том, что намного лучше изыскивать возможные пути к разоружению, нежели допускать постоянные перегибы. Очевидно и то, что СОИ не только не заменит собой ядерного оружия, но явится существенной добавкой к уже существующим арсеналам.

Хочу коротко пояснить Вам позицию Франции на этот счет. Мы отрицательно относимся к самому принципу стратегии, о которой идет речь. И мы не будем принимать участия в осуществлении какой бы то ни было военно-индустриальной стратегии, если она исключает возможность участия Франции в принятии решений. Это как раз и относится к СОИ.

В настоящее время во Франции идет оживленная дискуссия. Не секрет, что консервативные силы страны благоприятно относятся к СОИ. Программа оппозиции, ставшей большинством в результате последних парламентских выборов, включала в себя признание СОИ. Однако Конституция Франции, существующий порядок таковы, что последнее слово принадлежит мне как Президенту страны. Свое мнение о СОИ я неоднократно высказывал публично. И это мнение было и остается позицией Франции. Не может быть и речи, чтобы Франция присоединилась к каким-либо договоренностям в данной области. Вот те основные соображения, которые я считал необходимым изложить в связи с позицией Франции по вопросу о СОИ.

При обсуждении вопроса о СОИ с американской стороной (я всего три дня назад беседовал об этом с Рейганом) американцы прежде всего выдвигают аргументы практического свойства. Они утверждают, будто Советский Союз в нескольких районах своей территории, включая и район вокруг Москвы, уже создал надежные системы ПРО. По словам американцев, Советский Союз ушел далеко вперед, добился немалых успехов в создании оружия ПРО. С учетом этого, заявляют американцы, наметилось существенное отставание США от СССР в вопросах, связанных с космосом. Представляется, однако, что эти аргументы американской стороны выглядят сейчас не так убедительно, учитывая, по сути дела, мистический характер убеждения Президента Рейгана

в ценности СОИ. Он постоянно заявляет, что США никогда не откажутся от СОИ, что СОИ – это спасение человечества, конец угрозе ядерной войны, замена наступательных вооружений оборонительными. Убеждение Президента США в необходимости СОИ – я назвал его мистическим, – по-видимому, продиктовано давно укоренившимся в США мнением, что положить конец войне можно лишь военными средствами. Судя по всему, эта идея крепко засела в голове Рейгана. Вместе с тем в США начинают сейчас подумывать о том, чтобы поискать какой-то иной ответ универсального характера на весь комплекс проблем войны и мира. Наверное, этими настроениями объясняется начавшийся в США пересмотр программы СОИ в сторону понижения, уменьшения ассигнований на ее цели.

В беседе с Рейганом три дня назад я сказал ему, что аргументы американской стороны вызывают у меня, с одной стороны, симпатию, а с другой – беспокойство. Симпатию – потому что они связаны с желанием положить конец войнам. Беспокойство – потому что американские планы не учитывают существующих реальностей. В самом деле в политике нет ничего хуже, чем предвзятые мнения, особенно излагаемые в пророческой форме. Короче говоря, сказал я Рейгану, мы не усматриваем в американских планах на этот счет ничего такого, что было бы похоже на начало движения вперед.

Нужно сделать, однако, одно пояснение. Обсуждая вопросы СОИ, Рейган обращался ко мне как к своему союзнику. Он выражал недоумение: как это может быть, что я несогласен с идеей СОИ. Не исключено, что в беседах с представителями других великих держав, противостоящих друг другу, он может использовать иные аргументы. Иными словами, одно дело беседа Рейгана со мной, а другое – его беседа с Вами. Возможно, что в разговоре с Вами он будет ставить проблемы по-другому. Однако в целом американская аргументация ясна: во-первых, Советский Союз активно вооружается, опередив США; во-вторых, Советский Союз отказывается от какого бы то ни было контроля; в-третьих, с учетом всего изложенного выше, американцы считают себя вправе быть свободными от каких-либо обязательств.

После того, как Рейган публично выступил с идеей СОИ, он, помнится, направил мне обстоятельное послание, в котором заверял, что объявленные планы никоим образом не затронут Договор по ПРО. Когда же в беседе с ним три дня тому назад я неодобрительно отозвался о намерении американской стороны со временем поставить под вопрос Договор ОСВ-2, Рейган был заметно раздражен. Невзирая на это, я четко заявил ему, что Франция отрицательно относится не только к СОИ, но также и ко всем действиям, которые могут поставить под вопрос Договор ОСВ-2, а также Договор по ПРО.

Судя по беседам с Рейганом, нынешнее положение дел мне представляется следующим. Американцы говорят: мы готовы вести переговоры по разоружению, но при этом мы не собираемся вносить какие бы то ни было изменения в наши планы, касающиеся СОИ. Советская сторона заявляет: мы готовы вести переговоры при том, однако, понимании, что СОИ не будет претворяться в жизнь. Таким образом, позиции СССР и США представляются на сегодняшний день непримиримыми. Отсюда практически и полное отсутствие прогресса.

Разумеется, я не посредник в отношениях между СССР и США. Я всего-навсего друг, находящийся с визитом в вашей стране. Так сложились обстоятельства, что в течение одной недели я встречаюсь и с Рейганом, и с Вами.

Мое впечатление таково, что более тонкий подход к вопросу о СОИ – я имею в виду характер испытаний, экспериментов, опытных разработок – даст в конечном итоге возможность вывести из тупика этот вопрос, в отношении которого пока, к сожалению, нет никаких перспектив.

Все это нужно ясно иметь в виду. Иначе действительно трудно понять, почему Запад отклоняет советские предложения о сокращении на 50 процентов носителей, на 30 процентов боезарядов, о сокращении обычных вооружений, о запрещении химического оружия.

Мне думается, что Рейган питает какие-то иллюзии в отношении того, способны ли русские дать твердый отрицательный ответ. Я сказал Рейгану:

руssкие – это прежде всего патриоты своей страны. Они непреклонны всякий раз, когда возникает угроза их национальным интересам. Если russкие почувствуют, что возникает угроза, на которую они в течение какого-то времени не смогут ответить, допустим, в вопросе о СОИ, то тогда вообще не будет никаких переговоров.

Я также сказал Рейгану: если Вы хотите новой встречи с Горбачевым, Вам необходимо каким-то образом выйти из этой полностью негативной ситуации.

Однако, несмотря на все сказанное, у меня такое ощущение, что Рейган лично все-таки стремится к переговорам. Это чувство еще более окрепло после бесед, проведенных мною с госсекретарем США Дж. Шульцем. Хотя, конечно, нельзя не заметить логического разрыва между позитивными намерениями и практическими делами, которые таковыми не являются.

Много зависит от того, какие новые аргументы сумеет найти Советский Союз. В самом деле, если в процессе переговоров не удастся договориться об удовлетворительных средствах контроля, то тогда, видимо, не будет вообще никаких соглашений. Если эксперты с обеих сторон не сумеют проявить мастерства, с тем чтобы договориться о взаимопонимании в таких связанных с СОИ вопросах, как испытания, эксперименты, опытные разработки, трудно всерьез рассчитывать на достижение договоренности.

Я сказал Рейгану: у нас, у французов, наверное, есть немало недостатков, но мы знаем russких на протяжении четырех-пяти столетий. Поэтому хотелось бы посоветовать: не стройте свою политику на предположении о том, что Советский Союз поступится чем-то, что касается его жизненно важных интересов.

Но, повторяю, сейчас многое зависит от Советского Союза, от его предложений.

ГОРБАЧЕВ. В Ваших словах, господин Президент, довольно четко прослеживается следующая мысль: вся беда в том, что СССР и США упорствуют, и оба виноваты в том, что происходит в мире. Может быть, в

беседе с другим собеседником я не стал бы реагировать на это. Но Вам скажу. Складывается впечатление, что мы по-разному оцениваем позицию США в таких крупных принципиальных вопросах, как прекращение гонки вооружений, контроль над вооружениями.

МИТТЕРАН. А что бы Вы сказали другому собеседнику?

ГОРБАЧЕВ. Я бы оставил это без внимания. Но мне хочется, чтобы Президент Франции понял меня правильно.

МИТТЕРАН. Вы знаете, у меня нет такого предвзятого мнения. Напротив, я убежден в том, что Вы искренне желаете изменить существующее положение вещей.

ГОРБАЧЕВ. Может быть, Ваши суждения в какой-то мере объясняются недостаточной информацией? Я мог бы Вам предоставить более широкую информацию.

Начну с самого начала, или, как у нас говорят, от печки. Несколько слов о наших внутренних планах. Вы знаете, что **мы начали у себя в стране большое дело. Перестройка охватывает экономическую, социальную, духовную сферы, область политической демократии. Перед лицом таких грандиозных задач естественна наша заинтересованность в позитивном решении международных проблем. Это одна сторона дела. Но есть и другая, не менее важная. Мы об этом с Вами уже говорили. А за это время появились новые доказательства. Я имею в виду тот факт, что нынешний этап научно-технической революции подвел нас всех к такой опасной черте, когда встает вопрос о самом выживании человеческой цивилизации.** В этой связи не могу не выразить удовлетворения в связи с тем, что Вы сказали об угрозе милитаризации космоса. В самом деле появление оружия в космосе, если его своевременно не предотвратить, чревато неконтролируемыми, неуправляемыми последствиями.

МИТТЕРАН. Да, мы действительно так считаем. Речь идет о неконтролируемых последствиях.

ГОРБАЧЕВ. Ракетно-ядерный век требует от всех нового мышления. **Все мы зависим друг от друга. Поэтому очень важно лучше понимать друг друга.** По сути дела, у нас нет иной альтернативы, как научиться жить в реальном мире.

СОИ не защитит ни США, ни Западную Европу. Если такие системы будут развернуты у нас, то они не защитят и Советский Союз. В то же время очевидно, что реализация этих планов подстегнет гонку вооружений по всем направлениям. Мне кажется, что сейчас все прекрасно понимают это. Это касается и самого Рейгана. Он, конечно, продолжает защищать СОИ, придает ей мистический характер, продвигает вперед, сопровождая заклинаниями. Но вопрос, повторяю, в целом ясен, в том числе и для Президента США.

Позвольте мне вернуться к одной мысли, которую Вы только что высказали – о недопустимости, чтобы государства строили политику на ошибочных представлениях. Нам известно, что Рейган, его окружение, некоторые деятели на Западе придерживаются мнения, что реально угроза исходит от Советского Союза вовсе не потому, что он обладает ядерным оружием. Мне доподлинно известны подобные рассуждения: Советы, мол, хорошо знают, что, если они нападут на США, им не миновать ответного удара. Точно так же и США прекрасно отдают себе отчет в том, что нападение на СССР обернется ответным ударом. Поэтому только безумец может развязать ядерную войну. Настоящая угроза, по мнению этих деятелей, возникнет для США, западного мира в том случае, если Советский Союз осуществит свои планы ускорения социально-экономического развития, продемонстрирует свои новые экономические, политические возможности. Отсюда ставка на то, чтобы измотать Советский Союз в экономическом плане, используя при этом какие-то, по мнению США, преимущества Запада в области технологий. Это, конечно, ошибочный расчет, но именно на нем американцы строят свою политику в отношении Советского Союза.

Мы советовали американцам: постарайтесь избавиться от такого подхода к нашей стране. Однако они продолжают надеяться на использование каких-то преимуществ в области технологии, передовой техники, с тем чтобы добиться перевеса над нашей страной, в том числе и через космос. Они, по-видимому, исходят из предположения, что Советский Союз находится в тяжелом положении и нуждается в передышке. Поэтому, в представлении американцев, нужно лишь посильнее нажать, чтобы выжать из него то, что угодно Западу, и в первую очередь самим США. Ничего из этих планов не выйдет. В реальной политике нельзя принимать желаемое за действительное. В свете этих рассуждений многое становится понятным: упор на СОИ, отказ от Договора ОСВ-2, удовлетворение запросов военно-промышленного комплекса, попытки втянуть Советский Союз в новый виток гонки вооружений. Это несерьезная политика. Она, видимо, рассчитана на какой-то определенный срок и опирается на те известные силы и группировки, которые поставили Рейгана у власти и которым американский Президент так верно служит. Советский Союз мешает, как кость в горле, выполнению планов, намеченных этими кругами.

Ошибка Рейгана состоит также в том, что весь мир он склонен рассматривать как вотчину США. В западных странах считают иногда себя задетыми, когда Советский Союз резко отвергает посягательства на свои национальные интересы, принимает соответствующие меры. Но почему же их не задевает, когда не только народам, но и целым континентам американцы отказывают в осуществлении своих суверенных прав. Что касается Советского Союза, то он твердо стоит за право народов самостоятельно определять путь развития, будь то социалистический или капиталистический. Это суверенное дело народов.

Позволю себе высказать еще несколько замечаний относительно того, как мы видим реальную политику США, если, конечно, судить о ней не по официальным заявлениям, а по практическим делам нынешней администрации.

Современный мир, многообразие входящих в него государств – это также новая реальность, которая должна учитываться в политике, независимо от того, нравится ли это кому-нибудь или нет. Это диктует необходимость новых подходов, нового мышления. Как можно всерьез думать о нормальных международных отношениях, если отрицать необходимость учета интересов не только США, но и Франции, Советского Союза, всех государств. Если этого не учитывать, не будет и нормальных отношений между государствами, не будет ничего, кроме международной лихорадки. Вот почему **мы призываем к новому подходу, к новому взгляду на вещи. При этом мы далеки от того, чтобы пытаться ставить наших партнеров в тяжелое положение, нарушать традиционные связи между государствами. Поступать иначе было бы неразумно.**

МИТТЕРАН. Что касается права народов на самоопределение, то у меня нет никаких оговорок на этот счет. Мы твердо высказываемся за осуществление такого права, идет ли речь о Центральной Америке или же о Юге Африки. Одним словом, тут между нами нет никаких расхождений. Расхождения между нами возможны по каким-то конкретным вопросам. Но в широком плане, в том, что касается недопустимости самого понятия «своей вотчины», мы с вами едины. Думаю, что от Вашего внимания не ускользнуло, как эта линия Франции совсем недавно проявилась в ливийском вопросе.

Что касается оценки действий нынешней администрации США, то я не склонен к такому пессимизму, как Вы. Впрочем, слово пессимизм вряд ли подходит. Вы ведь, господин Горбачев, отнюдь не пессимист. Наверное, точнее будет сказать: я не так строго сужу администрацию США, как Вы. Я охотно допускаю, что военно-промышленный комплекс США оказывает сильное давление на администрацию США. Вместе с тем следует иметь в виду, что Рейган – человек своей среды, не лишенный здравого смысла и интуиции. В его окружении постоянно развиваются два тезиса, о которых я говорил выше. Поэтому для того, чтобы как-то вырваться из противоречия в суждениях своего окружения, Рейган устремляется ввысь, в область пророчеств.

Очевидно, что военно-промышленный комплекс США не желает прислушиваться к голосу разума. Однако в политических и дипломатических кругах страны к доводам Советского Союза относятся более восприимчиво. Поэтому нынешнюю ситуацию нельзя представлять себе как нечто застывшее. Она вполне может измениться.

В том, что касается основ политики, можно сказать, что имперские претензии, содержащиеся в установках нынешней администрации, вполне соответствуют духу и настроениям в США. Однако в плоскости конкретных шагов нынешние позиции администрации могут претерпеть определенную эволюцию.

В беседах с американцами я довольно откровенно спрашивал их, чего они конкретно добиваются. Заинтересованы ли они в том, чтобы Советский Союз имел возможность направлять больше средств на цели экономического развития за счет снижения в своем бюджете доли военных расходов? Или же, напротив, США стремятся измотать Советский Союз путем гонки вооружений, оторвать СССР от его глубоких корней, заставить советское руководство все больше и больше средств выделять на непроизводительные расходы, на цели вооружения? Я откровенно сказал Рейгану (наша беседа проходила в узком составе, с американской стороны присутствовали Уайнбергер, Шульц, Пойндекстер): первый выбор означает мир, а второй – войну. Это понятно хотя бы уже потому, что такова объективная логика того или иного выбора.

ГОРБАЧЕВ. Это очень важная информация. Прежде всего, она подтверждает нашу оценку того, что происходит в умах американской администрации.

МИТТЕРАН. Разумеется, сами американцы мне этого не говорили. Это лишь мое наблюдение, если хотите, обобщение.

ГОРБАЧЕВ. Именно так я Вас и понял. Наши мнения на этот счет весьма близки. Действительно, первый выбор означает мир, а второй – войну.

МИТТЕРАН. Согласен с Вами, что наши мнения здесь весьма близки. Действительно, непроизводительные расходы не знают никакого другого предела кроме войны. Народы долго не продержатся, выделяя свои и без того ограниченные ресурсы на цели создания того, чем нельзя накормить, одеть, дать образование, построить жилье.

В сущности, большинство американских деятелей выступает за переговоры. Слишком уж очевиден для всех риск войны.

ГОРБАЧЕВ. Я отмечаю это обстоятельство как еще один важный момент в нашей сегодняшней беседе.

МИТТЕРАН. И в США, и в СССР я говорю на одном языке. Какого-то послания от американцев я не привез. Просто и Вам, и Рейгану я откровенно говорю то, о чем думаю.

ГОРБАЧЕВ. Мы тоже выступаем за честный разговор, особенно между руководителями тех государств, которые оказывают решающее воздействие на развитие международной обстановки в нынешний ответственный период.

МИТТЕРАН. Мы говорили американцам: обсуждение вопросов в принципиальном плане, психологический анализ – все это, безусловно, важно и полезно. Однако как бы там ни было, все вращается только вокруг одного вопроса: что можно было бы предпринять в настоящее время? Как далеко можно идти в отношении СОИ?

Весь парадокс состоит в том, что, являясь союзниками США по военному блоку, мы, французы, в то же время считаем, что в данном конкретном вопросе Советский Союз занимает более мудрую позицию.

ГОРБАЧЕВ. Разрешите мне высказать еще несколько замечаний общего характера. **Мы видим США такими, какими они являются на самом деле. Мы отнюдь не рисуем Америку одной черной краской. Мы видим все разнообразие мнений и суждений в американском обществе. Не отказываемся от того, чтобы искать пути нормализации советско-американских отношений. Мы поддерживаем самые широкие контакты с представителями различных политических сфер США. Но это,**

разумеется, не означает, что мы хотели бы что-то предпринять в обход Президента. С нашей стороны это было бы нереалистично.

МИТТЕРАН. Полностью согласен с Вами. В самом деле, мне кажется, что, несмотря на свое политическое прошлое, Рейган относится к числу тех деятелей, которые интуитивно стремятся к тому, чтобы положить конец нынешней ситуации. Вам может показаться, что я высказываюсь непоследовательно, но это действительно факт. В отличие от ряда других американских деятелей, Рейган – отнюдь не машина. Это – живой человек. Он любит ездить верхом, смеяться, шутить, чутко относится к тем соображениям, которые ему высказывают. Поэтому мое мнение таково: если Советский Союз будет и далее выступать, как он это делал в последние месяцы, со своими предложениями, пусть спорными, но конкретными и реалистическими, то вы, в конечном итоге, приобретете немало сторонников на Западе. Только диалог поможет нам избежать самого худшего. Вместе с тем ясно и то, что если бросать слова на воздух, говорить только ради того, чтобы говорить, то это будет весьма утомительным занятием.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, мне не хотелось бы, чтобы по ознакомлении с нашей оценкой положения дел в мире у Вас сложилось впечатление о нашем пессимизме. Хотя, повторяю, обстановка действительно вызывает серьезные опасения. **Мы не собираемся отдавать судьбы мира, судьбы Советского Союза на откуп американской администрации.** Мы будем действовать и действовать таким образом, чтобы втягивать в борьбу за мир реальные силы на Западе, исходя при этом из тех принципиальных выводов, которые сделаны нами в последнее время. А главный вывод таков: **можно добиться чего-то позитивного, если учитывать не только свои интересы, но и интересы партнера, если заботиться не только о своей безопасности, но и учитывать интересы безопасности других.** Это отвечает духу времени, новому мышлению. Сейчас нельзя делать ставку на то, чтобы переиграть кого-то в политическом плане. Ведь это ничего

не даст. Неизбежно будут предприняты ответные шаги, и угроза в конечном итоге только возрастет.

Хочу привести Вам несколько конкретных аргументов, с тем чтобы Вы лучше поняли исходные позиции Советского Союза. После Парижа и Женевы мы не раз пытались реальными шагами и инициативами доказать серьезность своих намерений в деле борьбы за оздоровление международной обстановки. Поэтому совершенно неправильно ставить нас на одну доску с США, которые за тот же период времени сделали очень мало, а по сути дела, остались на прежних позициях и даже пошли назад, взяв курс на ликвидацию механизма, до сих пор как-то еще тормозившего гонку вооружений (я имею в виду Договор ОСВ-2).

Нами был предпринят компромиссный шаг в вопросе о ядерных вооружениях средней дальности в Европе. Мы согласились рассматривать этот вопрос вне связи со стратегическими вооружениями. В свое время мы настаивали на том, чтобы иметь по этому классу оружия соответствующий эквивалент французскому и английскому арсеналам. Мы и в этом отношении внесли корректизы в свою позицию, сделали еще один важный шаг вперед.

Недавно я направил Президенту Рейгану развернутое, обстоятельное послание с конкретными предложениями о том, как выйти из тупика, образовавшегося на Женевских переговорах по стратегическим и космическим вооружениям. С этой целью мы внесли компромиссное предложение: в том, что касается космоса, ограничить разрешенную деятельность уровнем лабораторных исследований, а также договориться о невыходе из Договора по ПРО по крайней мере еще в течение 15 лет. В этом контексте мы предложили американцам сделать промежуточный шаг на пути к 50-процентному сокращению.

МИТТЕРАН. Это, безусловно, позитивный шаг. Я думаю, что слово теперь за экспертами, которые должны четко определить, что здесь стоит за каждым словом.

ГОРБАЧЕВ. В послании Рейгану нами четко ставится вопрос о необходимости сохранения Договора ОСВ-2 и Договора по ПРО 1972 года.

Сейчас сложилась любопытная ситуация. Сам Рейган, а также госдепартамент США в целом реагировали позитивно на советские предложения. В то же время позиция американской делегации на переговорах в Женеве, как это ни парадоксально, по-прежнему оставалась сугубо негативной. В том смысле, что их делегация, как этакий попугай, повторяла одни и те же старые вещи. Может быть, правда, американские представители на переговорах не получили соответствующих инструкций из Вашингтона? Может быть, через несколько недель положение как-то изменится? Но пока что-то определенное сказать затруднительно.

В этом контексте хочу поделиться с Вами соображениями о том, как мы относимся к возможности новой советско-американской встречи на высшем уровне. Американская администрация выскazывается в пользу такой встречи. Мы также стоим за ее проведение. Однако, как выясняется, Рейган намерен добиваться встречи, независимо от поведения США на мировой арене. Это подтверждается многими фактами последнего времени. Тут и Ливия, тут и нарушения американскими военными кораблями территориальных вод Советского Союза.

МИТТЕРАН. Что Вы говорите? А где это нарушение имело место?

ГОРБАЧЕВ. В Черном море, у побережья Крыма.

К сказанному следует добавить намерение США выйти из Договора ОСВ-2, а точнее сказать, объявить этот документ «мертвым», грубую антисоветскую риторику, которая отличает высказывания представителей администрации. Складывается впечатление, что американцы убеждены в том, что Горбачев больше, чем они, заинтересован в проведении встречи. Поэтому, считают они, как бы ни складывались обстоятельства, Горбачев все равно приедет в США.

Очевидно и то, что американцы не желают выполнять договоренностей, достигнутых на прошлогодней встрече в Женеве, а именно: о необходимости

предпринять в связи с новой советско-американской встречей какие-то два-три реальных шага в области контроля над вооружениями.

Излишне говорить, что такой сценарий американцев нам не подходит. Мы американцам войны не проигрывали, никаких долгов по отношению к США у нас нет. Так почему же в таком случае мы должны ехать к ним с поклонами? Такая позиция удивляет, чтобы не сказать больше. Это еще одно свидетельство ошибочного мнения в отношении Советского Союза. Естественно, что **встреча на высшем уровне не может проходить только по советскому или же американскому сценарию**. Необходим конструктивный подход, с тем чтобы новая встреча обернулась не только улыбками и рукопожатиями. Главное же в том, чтобы предпринять что-то конкретное. Иначе как мы с Рейганом оба будем выглядеть? Люди скажут: собрались руководители двух самых крупных государств мира, опять поговорили и ни к чему конкретному не пришли. Нетрудно предположить, какое серьезное разочарование постигнет мировую общественность. Возможно, такой исход встречи и устраивает Президента Рейгана. Но это никак не устраивает мировую общественность, Советский Союз. Более того, для нас это совершенно неприемлемо.

В послании Рейгану я касаюсь вопроса о том, какой механизм следовало бы задействовать, с тем чтобы вести линию на достижение конкретных, осязаемых результатов. Мы и в этом отношении идем навстречу американцам.

МИТТЕРАН. Согласен, что новая советско-американская встреча на высшем уровне будет представлять интерес только, если стороны заранее договорятся о том, какие извлечь из нее выгоды в плане разрядки, разоружения. Пусть это будут скромные, но положительные результаты. Нет, пожалуй, ничего хуже, чем переговоры, завершающиеся неуспехом.

Два слова о месте встречи. Меня этот вопрос прямо не касается, поэтому прошу рассматривать то, что я Вам сейчас скажу, как замечание друга. Не секрет, что Рейган уже пожилой человек и что он не очень-то хочет пускаться в дальние странствия. Мне кажется, можно было бы поискать место встречи

где-то в Карибском бассейне или же в Северной Америке, но не обязательно на территории США. Если я не ошибаюсь, есть несколько стран, которые были бы рады оказать свое гостеприимство руководителям СССР и США.

Но, конечно же, те требования, которые выдвигаются американцами в отношении новой советско-американской встречи в верхах, насколько я могу судить об этом из того, что Вы мне сказали, не отличаются очень большим смыслом.

ГОРБАЧЕВ. Должен заметить, что по целому ряду вопросов американцы явно пытаются искать аргументы для того, чтобы тормозить любое продвижение вперед. В свое время нам казалось, что имеется реальная возможность двинуться по пути ликвидации советских и американских ракет средней дальности в Европе. Мы надеялись на возможность решения этой проблемы. Последние советские предложения на этот счет по сути своей были весьма близки к тому, что в свое время вносил на переговорах наш партнер. А что мы видим сейчас? То, что американцы активно эксплуатируют позицию Франции, Великобритании и даже Японии. Все это лишь осложняет решение проблемы. Впрочем, не буду задерживаться на этом вопросе, так как мы уже выходим из регламента нашей работы. Я исхожу из того, что у нас будет возможность продолжить разговор на эту тему.

В завершение этой части беседы хотел бы особо подчеркнуть, что Советский Союз надеется на ответственную конструктивную позицию Франции в международных делах на этом этапе поиска решения проблемы прекращения гонки вооружений и перехода к разоружению.

МИТТЕРАН. Франция пытается вносить свой вклад в решение актуальных проблем международной жизни. Что касается интересов Франции, то мы о них, как я надеюсь, весьма откровенно поговорим в ходе нашей завтрашней беседы. Подытоживая разговор о равновесии сил в мире, об отношениях между СССР и США, видимо, не ошибусь, если скажу, что требуются огромные усилия всех заинтересованных сторон для того, чтобы добиться в этом деле прогресса. Франция свободно высказывает свои

суждения как в отношении Советского Союза, так и в отношении США. Это было и будет характерной чертой внешней политики Франции до тех пор, пока я буду оставаться на своем посту.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, представители прессы, возможно, будут интересоваться содержанием нашей первой беседы. Думаю, что мы могли бы сказать им о том, что наша первая беседа проходила в хорошей атмосфере откровенного обмена мнениями, что она является продолжением разговора, начатого в Париже, и свидетельствует о дальнейшем углублении советско-французского политического диалога. Можно было бы также отметить, что особое внимание было уделено обмену взглядами по актуальным вопросам международной политики и что обе стороны изложили свои соответствующие позиции.

МИТТЕРАН. Наверное, говоря об актуальных проблемах международной политики, мы могли бы уточнить, что речь шла о проблемах разоружения.

ГОРБАЧЕВ. Да, конечно, я ведь Вам изложил лишь общие контуры того, что можно было бы сообщить прессе.

МИТТЕРАН. Я согласен с тем, что Вы предлагаете.

Руководители СССР и Франции обменялись мнениями, и беседа их была весьма интересной. Важно также отметить, что мы провели беседу в том духе, который был уже характерен для прошлогодней советско-французской встречи в Париже. Стоит, по-видимому, указать и на то обстоятельство, что обе стороны преисполнены стремлением добиваться того, чтобы обмен мнениями между ними привел к каким-то конкретным результатам.

Господин Генеральный секретарь, хотел бы особо подчеркнуть, что с сентября прошлого года не произошло чего-либо такого, что могло бы как-то повлиять на те суждения, которые высказывались мною во время Вашего визита во Францию. В целом, возвращаясь к вопросу о советских предложениях в последнее время, считаю необходимым совершенно определенно высказать следующую мысль: лично я предпочел бы, чтобы

Ваши предложения встретили более конструктивный отклик со стороны тех, кому они адресованы. Но, разумеется, это не означает, что я готов стать членом Политбюро ЦК КПСС, тем более что сомневаюсь, что вы бы меня туда приняли. Об этом мы в шутку уже говорили в Париже.

ГОРБАЧЕВ. *(Смеется.)* Ну что ж, господин Президент, наверное не ошибусь, если скажу: будь Вы на нашем месте, Вы, наверное, внесли бы эти же самые предложения.

Давайте продолжим наш разговор за обедом.

МИТТЕРАН. Согласен. Еще раз благодарю Вас за оказанный мне и моей супруге теплый прием.